

Томс привада - 1990 - 299ек - с 4.

Даниэль Ольбрыхский:

СЕЗОН «ОХОТЫ НА ВОЛКОВ» В ВАРШАВЕ

— Даниэль, мы знаем вас как замечательного актера, сыгравшего во многих фильмах Анджея Вайды, других известных режиссеров. И вот теперь вы дебютируете как писатель: в канун Нового года в Польше вышла ваша первая книга «Поминки по Владимиру Высоцкому». Почему вы решили о нем написать? И почему — «Поминки»?

— Владимир Высоцкий, пожалуй, был самой яркой личностью, которую мне довелось повстречать. Однажды Володя прислал мне записку, которую я берегу до сих пор: «Дорогой Даниэль! Как хорошо, что я имею тебя как друга, в Варшаве, Париже, Москве. Как жаль, что ты не живешь в России, оставаясь поляком или русским — не важно. Я тебя люблю и ценю... Я с ним дружил много лет, неоднократно бывал на московской квартире Высоцкого, принимал его с женой у себя в Варшаве. На девятый день после смерти Володи Марина Влади позвала меня в числе самых близких людей на поминки, которые были устроены в Париже на квартире художника Михаила Шемякина.

В тот день я поклялся Марине, что приеду во что бы то ни стало в Москву на сорочковой день после смерти Володи. Московские поминки проходили в квартире Высоцкого на Малой Грузинской. Приехал я туда прямо из аэропорта. Помню, были оба Володиных сына от первого брака, много известных актеров, поэтов. Внимание всех привлекала незнакомая заплаканная девушка. Оказалось, это была Люся, телефонистка с международной станции, помогавшая Высоцкому дозвониться до Марины Влади, где бы та ни была. Однажды Люся нашла ее даже у парикмахера в Бразилии, куда Марина улетела после ссоры с Володей, никому ничего не сказав.

После поминок мы поехали с Мариной на могилу Володи. Стемнело, падал дождь, но вся улица была запружена народом.

Сколько всего произошло с тех пор в Советском Союзе и Польше. Старый мир, конца

которому, казалось бы, не будет, трещит, как мачта корабля во время бури. Весь свет ошалело несется вперед, как знаменитые кони Высоцкого. А боль от утраты Володи до сих пор не проходит. В десятилетие его смерти мне захотелось справиться по нему свои поминки — написать о нем книгу.

— А как вы познакомились с Высоцким? Какие встречи с ним вам наиболее запомнились?

— Впервые я увидел Володю в 1969 году, во время кинофестиваля в Москве. Хотя по-русски я говорил вполне прилично, ко мне приставили, как было тогда заведено, «переводчика», не отстававшего от меня ни на шаг. И вот когда мы сидели однажды в фойе гостиницы «Россия», переводчик сказал: «Смотри, кто там идет! Ты знаешь этого человека? Это Высоцкий!» Воспользовавшись случаем, он тут же представил нас друг другу.

Затем вместе с коллегами из Театра Народового я приехал в Москву на гастроли, и Володя пригласил всех нас к себе на квартиру. Он очень любил, когда люди у него собирались, ели, пили, веселились, словом, чувствовали себя, как дома. Тогда Володя был в своей стихии и часто пел гостям. Так было и в тот чудесный вечер на Малой Грузинской, и во время наших встреч в Варшаве, когда Володя с Мариной останавливались у меня по пути в Париж.

Однажды они заблудились и попали на мост, с которого открывался удивительный вид на Варшаву. Володя остановил машину, спустился на набережную и долго-долго вглядывался в черепичные крыши Старого города. Потом достал клочок бумаги и прямо там, на набережной, стал набрасывать новую песню:

В мозгу моем, который
вдруг сдавило,
Как обручем, — но так его!
дави! —

Варшавское восстание
кровило.

Захлебываясь в собственной
крови...

Дрались худо, бедно ли,
Наши корпуса —

В пригороде медлили
Целых два часа.

...А может быть, разведка
оплошала —

Не доложила. Что теперь
гадать!

Но вот сейчас читаю я:

«Баршава» —

И еду, и хочу не опоздать.

— Такие строчки вряд ли, по-моему, мог написать проезжий поэт, случайно оказавшийся в Варшаве. Высоцкий явно не был здесь чужим...

— Да, Володя очень любил Польшу. Восхищался ею, удивлялся ей. Знаю наверняка, что это не была простая любезность. Поклонникам Высоцкого известна анкета, которую он заполнял в ранней юности. Так вот, на вопрос, какую страну, кроме России, он любит больше других, Высоцкий ответил, не колеблясь: «Польшу».

— А как сами поляки относились к Высоцкому? Всегда ли его понимали?

— Мне вспоминается такой эпизод. В 1981 году я был ведущим на Фестивале заграничных песен, организованном «Солидарностью» в Гданьске. В нем участвовали барды со всей Польши. Всеобщее признание получила не лучшая, на мой взгляд, песенка, игравшая на примитивных политических инстинктах: «А заднице, повернутой к Польше, пусть даже красной, стоит дать пинка...» Выбор был, повторюсь, неудачен, хотя и вполне объясним: антисоветский настрой в нашем обществе тогда был очень сильным. Тем не менее заканчивать фестиваль на этой ноте мне не хотелось. Я вышел на сцену и, обращаясь к залу, сказал: «Поскольку у нас тут царит демократия, то я, конференсье, не обязан соглашаться с общим мнением. Несомненно, некоторые из выступивших бардов действительно оригинальны. Но родословную свою они ведут от замечательных российских поэтов. Прежде всего — Булата Окуджавы, а в последнее время все чаще — от Владимира Высоцкого. Он, к сожалению, недавно умер, но песни его в Польше становятся все больше популярными. Думаю, если б Высоцкий был жив и сумел бы получить визу в Польшу, его выступле-

ние увенчало бы наш фестиваль. Мертвый визу уже не попросит. Но давайте мы с вами ему предоставим духовную визу! Пускай в этом зале на прощание прозвучит его песня».

По моей просьбе свет в зале выключили. Проектор выхватил из темноты на сцене одинокий микрофон. И загремела знаменитая «Охота на волков». В зале воцарилась тишина. Момент был критический: никто не мог предугадать, как поведет себя публика. Но песня звучала, и люди начали один за другим подниматься и слушать ее стоя... Так Владимир Высоцкий стал полноправным участником этого праздника.

— Примерно в одно и то же время на сценах Москвы и Варшавы ставились два Гамлета — Высоцкого и ваш. Что их роднило и что различало?

— Высоцкого в «Гамлете» я увидел лишь в 1980 году, когда Театр на Таганке приехал на гастроли в Варшаву. Володя выглядел очень уставшим, но играл феноменально. Ни единого лишнего жеста, гримасы. Хотя, к сожалению, не мог продемонстрировать все свои актерские способности. Заметно берег энергию, чтобы хватило до конца спектакля. Это была борьба и гонка с жизнью. Высоцкий старался успеть, как сам скажет об этом в своей песне...

Меня это потрясло настолько, что какие-то детали актерской техники я уже не замечал. Но па то, как Высоцкий читал знаменитое «Быть или не быть?», не мог не обратить внимание. С моей точки зрения, монолог этот в «Гамлете» — отнюдь не самый важный. Могу указать сразу несколько мест, где затронуты гораздо более глубокие вопросы. Володя монолог прочел почти скороговоркой, как бы отстранившись от него и удивляясь Шекспиру: собственно о чем тут разговор? Уж если быть — то действовать, а если нет — покончить счеты с жизнью, и как можно скорее. Это был вполне зрелый мужчина, взбунтовавшийся против всеобщей молчаливой покорности, вполне отдающий отчет в своих действиях.

Мой Гамлет был значительно моложе. Правда, в свои 23 года я также столкнулся с такими проблемами, которые в прошлом и не снились философам. После ада, который пережил мой герой в фильме Анджея Вайды «Пейзаж после битвы», страдания Гамлета казались мне полудетскими. Но постановщику спектакля хотелось, чтобы Гамлет в моем исполнении как бы впервые открывал для себя окружающий мир и был оскорблен его жестокостью. Режиссер меня омолодил в буквальном смысле. Гамлет Высоцкого, повторю, был похож на моего, но это был уже состарившийся Гамлет...

— Нельзя, вероятно, в разговоре о Высоцком обойти стороной его чрезмерное пристрастие к спиртному. Многие считают, что именно оно и стало причиной его преждевременной смерти.

— Да, он был действительно болен, и от этой болезни Володя не сумел избавиться. Но разве он один? Не секрет ведь, что многие представители нашей профессии прибегают к спиртному, а на Западе часто — к наркотикам, чтобы разрядить свои нервы, снять напряжение. Средство это весьма иллюзорное, но забиться на время оно помогает. У Высоцкого, вероятно, такая потребность возникала частенько — ведь жил он постоянно под невероятным напряжением.

— Вы справедливо заметили, что эпоха, отраженная в песнях Высоцкого, все больше отодвигается в прошлое. Как, по-вашему, если бы Высоцкий дожил до наших дней, о чем бы он сегодня спел?

— При жизни главными его врагами были Зло и Глупость, и с ними он боролся, сколько мог. Как и другие великие артисты. Собственно за это их и любят миллионы. Уверен, что и сегодня Володин голос гремел бы, насколько ему хватило дыхания, против возрождающихся заново Глупости и Ненависти...

Беседу вел
В. ШУТКЕВИЧ.
(Наш соб. корр.).

Варшава.